

УДК 94/99

Катаргина Ольга Сергеевна

аспирантка кафедры истории России Курского
государственного университета
тел.: (930) 037-18-74

**ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И СОСЛОВНАЯ СПЕЦИФИКА
НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ КОНЦА XIX –
НАЧАЛА XX вв. НА ТИПИЧНОМ ПРИМЕРЕ
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье проанализирована иерархия наследования имущества в России: общеправовые приоритеты, узкосословные особенности и некоторая специфичность их провинциальных проявлений.

Ключевые слова: наследство и имущество, правовые основания и сословная специфика, российская провинция и Курская губерния, конец XIX – начало XX вв.

Katargina Olga Sergeevna

Postgraduate Student of the Department of
Russian History of Kursk State University
tel.: (930) 037-18-74

**COMMON FEATURES AND CLASS
PECULIARITY OF PROPERTY SUCCESSION
IN RUSSIAN PROVINCE OF THE END OF
THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH
CENTURIES (BY THE TYPICAL EXAMPLE
OF KURSK PROVINCE)**

The article presents the analyses of hierarchy of property succession in Russia i.e. general law priorities, distinctive class peculiarities and some specific features of their provincial demonstrations.

Key words: succession and property, legal bases and class peculiarities, Russian province and Kursk province, end of the 19th – beginning of the 20th centuries.

Проследим сочетание общеправовых и узкосословных принципов наследования имущества в конце XIX – начале XX вв., одновременно определив их характерные проявления в российской провинции, опираясь на первичные акты Курского окружного суда.

Наследство по закону представляло собой совокупность имущественных прав и обязательств, оставшихся после умершего без завещания. Согласно ему, к наследнику переходили все права наследодателя во всем объеме, а именно имущественные права и все обязательства, лежащие на наследодателе.

Принятие наследства влекло за собой следующее: «наследнику переходило имущество умершего, как наличное, так и долговое, принимая все имущество умершего, наследник признавался обязанным уплачивать долги его, какие окажутся, но соразмерно их долям», но долги могли взыскиваться и из оставшегося имущества.

Для принятия наследства, наследникам делался неоднократный «(два раза) вызов, и не явившиеся по последнему вызову считались отказавшимися от наследства» [1, с. 216-217].

Например, подобное дело было начато 25 октября 1888 г. согласно духовному завещанию покойного дворянина Гавриила Клейменова, который оставил своей матери Ирине Клейменовой и солдатской дочери Екатерине Зубаревой имение в г. Рыльске, «из коего просила выдела части жена завещателя Анна Клейменова». Окончено оно было 29 января 1889 г. в связи с тем, что «по указу Его Императорского Величества» для выслушивания дела после оповещения Клейменовой и Зубарева не явились. После повторного вызова «через публикацию» и повторной неявки «решение Рыльского суда пришло в законную силу» в связи с чем дело было решено «представить в благорассмотрение Курской палаты гражданского суда с приложением завещания» [2, л. 11].

Вообще выморочное имущество встречалось довольно редко. Особенно крестьяне неохотно признавали имущество выморочным – «обмершим» и поэтому «отдавали после умершего его имущество, за неимением признаваемых обычаем наследников, самым отдаленным родственникам и даже посторонним лицам, которые ухаживали за умершим во время его болезни и похоронили его» [1, с. 217-218].

Если некому было отдать выморочное имущество, то оно переходило в пользу общества или продавалось, а вырученные деньги отдавались в мирской капитал. Также деньги и имущество могли отдаваться в церковь.

Согласно ст. 1128 «Законов гражданских» ближайшее право наследования после отца или матери принадлежало законным детям мужского и женского пола, за их смертью по праву представления внукам обоего пола и т.д. Сводные дети от обоих супругов наследовали только имущество своих родителей.

Когда же после умершего владельца не оставалось родственников по нисходящей линии, то право наследования переходило в боковые линии на вышеуказанных основаниях, но такие ближайшие боковые линии исключали дальнейшие.

Причем по закону в восходящих линиях родители не наследовали имущество, приобретен-

ное самими детьми после их смерти. Но если дети умерли бездетными, то их имущество отдавалось в пожизненное владение отцу или матери совокупно. Последние же никуда не могли продать, заложить или иным образом перевести таковые. Если имущество было приобретено не самими детьми, а «уступлено» сыну или дочери родителями при их жизни в виде дара, и после смерти сына или дочери не оставалось детей, то такое имущество не в виде наследства а «яко дар» возвращалось к родителям каждому то, что от кого было получено [3, с. 360, 371-372].

Дворяне как высшее сословие российского общества занимали самое видное место в наследовании имущества, одновременно отличаясь провинциальным минимализмом.

Приведем типичное дело Курского окружного суда о наследстве дворянки Софии Аристарховны Пожидаевой, начатое 10 октября 1913 г., когда было подано прошение от «Ольги Васильевны Филатовой, Ксении Васильевны Ефремовой, Марии Васильевны Ермолаевой, Любовь Васильевны Кутневич, урожденных Пожидаевых; Лидии Васильевны Пожидаевой и опекуна Павла Сергеевича Фенина над малолетними детьми Софией, Верой и Сергеем Павловичами Фениными, живших в селе Гремячка Вышне Ольховетской волости Щигровского уезда».

Суть дела заключалась в следующем: 6 августа 1910 г. умерла дворянка С.А. Пожидаева, она являлась родной бабкой малолетних Фениных по матери и родной матерью всех остальных просителей. После ее смерти осталось родовое имение из земельного участка при селе Ахтырском – Гремячка Щигровского уезда Курской губернии, а также имение в даче Пожидаевской, полученное ею по наследству от своего умершего мужа коллежского секретаря Василия Никаноровича Пожидаева. После его смерти наследодательница была утверждена в правах наследства и введена во владение данных имений по определению Курского окружного суда от 16 февраля 1907 г.

Имения заключались в «14/98 частях из усадебного места с домом, постройками, садом, лесом и пятидесяти шести десятинах полевой земли». Просители являлись наследниками к указанному имени умершей наследодательницы. Каждый из них, кроме малолетних Фениных, имел право на наследство в одной шестой части всего имения. Малолетние Фенины должны были получить на всех одну шестую часть оставшегося имения, по праву представления после умершей матери Александры Васильевны Фениной, причем в равных долях. После смерти дворянки С.А. Пожидаевой наследники просили утвердить их в правах наследства в указанных долях и ввести во владение. Суд признал доказанными права просителей на наследование [4, л. 2-9, 20-25].

Из материала явствует, что наследство переходило по нисходящей линии, поскольку действующими законами определялось, что «ближайшее право наследования после отца или матери принадлежит их законным детям мужского и женского пола, за их смертью заступают их место, по праву представления, внуки обоего пола, а когда и их в живых не находится, то правнуки обоего пола и так далее».

Переход наследства в боковые линии основывался на ст. 1134 – 1138 Законов гражданских, согласно которым, если после смерти владельца не оставалось наследников по нисходящей линии, то право наследования переходило в боковые линии, а именно к братьям и сестрам как женам/замужним, так и неженатым/незамужним, а также их детям, а при отсутствии последних, дядям и тетям и их нисходящим линиям.

Наследство среднесоциальных групп русского общества передавалось в основном как в виде жилых построек, движимого имущества, объектов бизнеса, так и в виде земель.

Многие процессы о разделе имущества были связаны с семейными междоусобицами. «Если раздел по причине семейной вражды и споров между сонаследниками не был ими кончен полюбовно в два года, тогда он производится по законам надлежащим судебным местом; до окончания судебного раздела налагалось на все наследованное имущество запрещение и бралось оное, смотря по званию умершего, в управление подлежащего опекунского установления, от коего определялись опекуны, а сверх того со всего имущества взималось шесть процентов в пользу местных заведений общественного призрения той губернии, в которой находилось имущество, на счет тех, кои такому замедлению были причиною» [3, с. 367-369, 429].

Данный запрет был применен при слушании «дела о разделе имения мещан Мухиных», предметом раздела являлся «каменный дом с прочим строением и усадебным местом, состоящий в городе Курске». Указанный процесс был начат 19 апреля 1861 г., а окончен 19 декабря 1880 г., отказом по постановлению Курского окружного суда [5, л. 9].

Интересно отметить переход наследства в собственности литературной, музыкальной и художественной. Так, в случае «смерти сочинителя или переводчика книги, сочинителя музыкального произведения, или художника-автора, исключительное право пользоваться изданием и продажей той книги, или того музыкального сочинения, или право художественной собственности (на произведения живописи, гравирования, литографии, фотографии, скульптуры, архитектуры, и других) переходило к наследникам по закону, или по завещанию, если он при жизни не передал оного

кому-либо другому, но право это не могло продолжаться более пятидесяти лет со дня смерти сочинителя, переводчика или художника – автора, или со времени появления в свете сочинения, перевода или произведения, не изданного до его смерти».

Если наследование происходило после лиц духовного звания «жалуемые духовным лицам панагии и кресты, украшенные драгоценными камнями, по смерти их отдавались наследникам, с тем чтобы священные изображения, были вынимаемы и оставляемы для хранения в ризнице того места, к которому умерший по служению принадлежал».

«Остающиеся после монашествующих властей ризницы, хотя бы в которых находились вещи, ими на собственное иждивение устроенные, и всякое движимое имущество монашествующих низших степеней, а равно и капиталы, внесенные монашествующими в кредитные установления, обращались в монастырскую казну. Всякое имущество, остающееся по смерти настоятеля или настоятельницы общежительного монастыря, хотя бы оно и не значилось по монастырским документам, признавалось собственностью монастыря» [6, с. 247, 303].

Правовой порядок утверждения в правах наследства не обязывал наследников требовать по закону судебного удостоверения их прав, если наследники «считали необходимым обратиться, для определения прав их на наследство, к содействию суда, заявляли о том мировым или общим судебным установлениям, на основании общих законов о подсудности исков по роду и цене наследственного имущества» [7, с. 180].

Так, в процессе 1861 г. «об утверждении в правах наследства имение умершего поручика П.М. Самойлова в с. Ржава Суджанского уезда», супруга покойного подала иск с прошением об утверждении ее в правах наследства, а также детей и внуков, чтобы раздел наследства был произведен в равных по закону долях. Имущество составляло «движимое и недвижимое имение, состоявшее Суджанского уезда в селе Ронавь». Постановление от 16 февраля 1867 г. определило «признать законными наследниками» [8, л. 1, 77].

Наследование имущества крестьянством имело своеобразную особенность. Порядок наследования частично регулировался обычаями в крестьянской среде. «Положениями 19-го февраля 1861 г. хотя и установлено существующее различие в среде крестьянского сословия в отношении владения, пользования и распоряжения землею между подворными или участковыми владельцами и крестьянами, владеющими землею на общинном праве, но различие это не касалось порядка наследования крестьянами имущества, так как и тем и другим, т. е. подворным владельцам и общинникам, представлено в порядке наследования имуществом руководствоваться местными обычаями. Предоставляя право наследования крестьянам имуществом в порядке обычном, положения 19-го февраля 1861 г. не установили никаких формальностей и требований о признании в правах наследства крестьян к оставшемуся имуществу. (Указ 15-го ноября 1879 г. № 8692 реш. гражд. кас. деп. Сен. 1891 г. № 74)».

Причем при разрешении судебных споров даже суд руководствовался существующими местными обычаями. «Обычаи, существующие у крестьян относительно права наследования, могут быть доказываемы удостоверениями должностных лиц, приговорами сельских сходов и свидетельскими показаниями. (Реш. гражд. кас. деп. Сен. 1891 г. № 86)».

Женщины как таковых прав на имущество родителей не имели, они могли стать наследницами лишь в том случае если в семье нет наследников мужского пола. Однако «крестьянская девица, при выходе замуж за односельца, перешедшая в чужой двор, утрачивала право на пользование долею своего умершего отца в подворном участке, если она не доказывала, что существующий в данной местности обычай допускал подобного рода пользование (по сенатскому решению от 1989 г.)» [9, с. 140, 142-143].

При «наследовании особых членов семьи (пасынки, приемыши, незаконнорожденные, зятья) и отчасти к наследованию супругов» передача наследства могла состояться в том случае, если был заключен с ними приемный договор или «условие». Они заключались как словесно, так и письменно. Письменное, составлялось при свидетелях, подписывалось сторонами и иногда представлялось для засвидетельствования в волостные правления. Подобные договоры, а также духовные завещания вносились в Книгу сделок и договоров при волостном правлении [10, с. 20].

Такая Книга по Улановскому волостному правлению Суджанского уезда с 8 января 1893 г. по 21 декабря 1893 г. сохранилась в Государственном архиве Курской области.

Например, 13 февраля 1893 г. крестьянин Федор Павлович Мироненко Суджанского уезда Улановской волости села Вороблин выдал обязательство крестьянам-односельцам К.А. Куликову и Г.А. Воробьеву в том, что он отдает им в потомственное их и наследников пользование землю в количестве 1 сажень и 1 аршин.

Духовные завещания имели следующую специфику, в частности: «во имя отца и сына и Святого Духа. Тысяча восемьсот девяносто третьего года ноября шестнадцатого дня, я нижеподпи-

савшаяся крестьянка села Уланка Улановской волости Суджанского уезда Пелагея Ивановна Долгая, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещала после моей смерти все мое благоприобретенное имущество движимое и недвижимое, именно пять с половиной десятин земли (5 ½ десятин земли) в дачах села Уланка более или менее всю без остатка, а также строения и одним словом все имущество в чем бы оно не заключалось – своему сыну Кузьме Трофимовичу и внуку Федору Кузьминовичу Долгим, за то, что они предоставили мне средства к жизни и все житейские попечения в их собственность. Остальные же сыновья мои и наследники к завещанному мною имуществу вписываться во владение не должны. Аминь» [11, л. 10, 14-15].

Право распоряжаться семейным имуществом принадлежало главе семейства – отцу как «большаку» в управлении общим имуществом. Но «домохозяин не вправе, ни закладывать, ни продавать, ни иным образом отчуждать семейного имущества без ведома и согласия его домашних, в особенности, если подобные действия не согласны с интересами семьи».

«Прежде других призываются к наследованию те боковые родственники, которые происходят от ближайшего родителя к умершему, т. е. родные братья и сестры, причем обычай здесь отдает предпочтение лицам мужского пола перед лицами женского пола» [10, с. 64, 82-83, 229-230].

Так, в Курской губернии мы столкнулись с делом 1913 г. о передаче наследства по духовному завещанию от дяди С.Е. Солодилова, который завещал недвижимое имение своему племяннику крестьянину А.М. Солодилову. Состоявшее из «6 десятин четвертного права земли и 3 десятин частного владения, находящееся в дачах Средне Расковицкой и Липовской Щигровского уезда» [12, л. 2, 2об., 8].

В итоге приведенные нами исторические факты свидетельствуют о фундаментальном закреплении в российской провинции общеправовых норм на фоне минимальных особенностей словного и регионального характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Цахман С.В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1879.
2. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 59. Оп. 2. Д. 3043.
3. Исаченко В.В. Законы гражданские. Пг., 1916.
4. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 9971.
5. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20.
6. Саатчиан А.Л. Свод законов гражданских. СПб., 1911.
7. Учреждение судебных установлений. СПб., 1892.
8. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 40.
9. Абрамович К. Крестьянское право по решениям правительствующего сената. СПб., 1902.
10. Мухин В.Ф. Обычный порядок наследования у крестьян. СПб., 1888.
11. ГАКО. Ф. 188. Оп. 1. Книга Улановского волостного правления Суджанского уезда на записку письменных сделок договоров и духовных завещаний на 1893 г.
12. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. д. 9968.